

«МУЧЕНИЧЕСТВО ПИОНИЯ» И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ СМИРНЫ В III в. н. э.

В статье рассматриваются содержащиеся в «Мученичестве Пиония» (250 г.) сведения о религиозной жизни Смирны в римское время. В центре внимания находятся три сюжета: 1) культ двух Немезид, у храма которых находился алтарь, где должны были принести жертву христиане; 2) предложение проконсула мученику поклониться воздуху; 3) ссылка Пиония на рассказ иудеев о некромантии. Анализ каждого из этих сюжетов показывает хорошее знакомство автора «Мученичества» с религиозной ситуацией в Смирне, что может свидетельствовать о раннем времени составления этого текста.

Ключевые слова: раннее христианство, агиография, «Мученичество Пиония», преследования, мученичество, Смирна.

«Мученичество Пиония» рассказывает о событиях, произошедших в Смирне в 250 г. во время гонения Деция. Пресвитер Смирнской церкви Пионий и его товарищи – христиане Сабина, Асклепиад, Македония и пресвитер Лимн – были схвачены 23 февраля, а 12 марта наместник провинции Квинтиллиан приговорил их к смерти. «Мученичество» содержит ценную, иногда уникальную информацию о различных аспектах жизни римской Смирны III века. Ниже будут рассмотрены несколько вопросов, связанных со сферой религии; обращение к ним позволяет, с одной стороны, лучше понять произошедшее, а с другой, оценить знакомство автора текста с ситуацией в Смирне, что, в свою очередь, может стать еще одним аргументом в пользу раннего времени составления «Мученичества». Конечно, в центре внимания автора «Мученичества Пиония» находятся мученики-христиане, но он подробно описывает их допросы, уговоры принести жертву, полемику с магистратами и собравшимися зрителями, и из этого нарратива мы можем почерпнуть немало интересного.

1. Храм Немезид

Большую роль в «Мученичестве» играет храм Немезид (Νεμεσείων – Mart. Pionii, 6, 3; 7, 2; 15, 2; 18, 13; 18, 14). Именно перед ним, судя по всему, находилось место жертвоприноше-

ния, возле которого Пионий не хотел даже появляться, и куда его все-таки доставили против его воли (15, 7–16, 1). Он и его товарищи отказались принести требуемую жертву, а Евктемон, возможно, смирнский епископ (προεστώς), там отрекся от Христа и совершил все требуемое властями (18, 13–14).

Возникновение этого культа историки иногда относят еще ко II тыс. до н. э., ко времени господства эолийцев, а сама Немезида была богиней-матерью вроде Кибелы или Астарты (Cadoux 1938: 219–220; Ramsay 1994: 192; Ascough 2005: 47–48; Saavedra Monroy 2015: 128). Особенностью смирнского культа было почитание двух Немезид; это нашло отражение и в тексте «Мученичества»: отступник Евктемон принес жертвы Немезидам (τὰς Νεμέσεις – Mart. Pionii, 18, 4). Павсаний рассказывает, что богини явились Александру и велели основать Новую Смирну, переселив в нее жителей Старой, и жители города чтут двух Немезид вместо одной, а матерью их называют Никту (Paus., VII, 5, 1). Исследователи предложили несколько гипотез происхождения этого удвоения богини: связь культа с раздвоенным пиком в окрестностях города, который назывался «Два брата»; то, что эта богиня совершала воздаяние и добром, и злом; существование Старой и Новой Смирны; сочетание греческой Немезиды с местным божеством (Cadoux 1938: 220; Hornum 1993: 11–13). Точное местонахождение храма пока не установлено, Л. Робер полагал, что он находился в южной части агоры (Rober 1994: 65). Большая часть эпиграфических, археологических и нумизматических свидетельств об этом храме относится к римскому времени (Hornum 1993: 11), но он несомненно существовал и в предшествующие эпохи: тот же Павсаний утверждает, что в Смирне над статуями Немезид изобразил Харит художник VI в. до н. э. Бупал; древнейшее изображение этого святилища – фрагмент рельефа, найденного на Фасосе, – относится ко II в. до н. э. (Mendel 1914: 77–78; Schweitzer 1931: 212).

В римское время Немезида иногда связывалась с императорским культом (Fishwick 1978: 378), и смирнский культ не был исключением: на алтаре, найденном в Асторге (Испания), обнаружена надпись с упоминанием августовых Немезид (θεαῖς Νεμέσειν Σμυρναίαις σεβασμιωτάταις... – AE 1968, 231; Birley 1981: 20–22). Немезида была воплощением заслуженного наказания, и тем самым восстановления мира и справедливости, и

она часто изображалась попирающей врагов (Hornum 1993: 40). Связь этого аспекта почитания с императором подчеркивалась многими римскими самодержцами, начиная с Клавдия и особенно с Траяна. А. Татаки даже полагает, что храм Немезиды в Смирне использовался для отправления императорского культа (Tataki 2009: 646).

В Смирне были храмы и других греческих богов: Зевса, Афродиты, Асклепия, Аполлона, Диониса, кроме того, почиталось множество иных божеств – Афина, Гера, Гестия, Персефона, Семела, Арес, Гермес, Посейдон, Геракл, Диоскуры, Тихе, Исида, Серапис, Карпократ, Анубис, боги местных рек Мелета и Герма (Cadoux 1938: 212–226; Ascough 2005: 48–49; Saavedra Monroy 2015: 124–129). В правление Тиберия после ожесточенной конкуренции с десятью другими малоазийскими городами Смирна получила право построить храм Тиберия, Ливии и римского сената (Tac. Ann., IV, 15, 55–56; Arist. Orat., XIX, 13), во II в. появился храм Адриана (Philostr. VS, I, 25; IGR IV, 1431), а в III столетии Каракалла даровал городу третий храм императора (I.Smyrna, I, 199, 236–237). Город обладал тремя неокориями, в начале весны в нем проводилось собрание провинции, сопровождавшееся играми. Смирна претендовала на то, что она является родиной Гомера, и у поэта был свой культ: существовал Гомерий – портик с храмом Гомера и его статуей (Strabo, XIV, 1, 37), а кроме того, действовала особая коллегия, называвшаяся Ὀμηρεῖα ὑεροσῖα (Cadoux 1938: 209–212; Saavedra Monroy 2015: 128–129).

Почему же из всех храмов для принесения жертв оказался выбран именно храм Немезид? Как нам кажется, на выбор его повлияло несколько факторов. Прежде всего, насколько нам известно, требуемые эдиктом Деция жертвоприношения приносились в храмах, расположенных в центре города (храм *Tria Fata* в Риме, карфагенский Капитолий). Затем, это был исконно местный, древний культ, имеющий большое значение для города. Мероприятия Деция не были специально антихристианским гонением, император рассматривал подобное жертвоприношение как присягу на верность ему и империи или как искупительную жертву для восстановления мира с богами, и было резонно провести это мероприятие у одного из главных храмов. Для большинства населения это был скорее праздник, связанный с восшествием императора на престол (Selinger 2002).

Почему не было выбрано одно из святилищ императоров? Полагаем, что это было обусловлено двумя соображениями. Во-первых, как во многих других городах, среди смирнской аристократии было распространено чувство своего рода «местного патриотизма» и легкой фронды по отношению к центральной власти, которое заставило предпочесть свой культ общеимперскому, а во-вторых, это опасение возможных эксцессов вроде того, что и произошел с Пионием и мучениками: их силой притащили к алтарю, они сопротивлялись изо всех сил, сорвали с головы венки, а слугитель «поднял жертвенное мясо, однако не отважился к кому-нибудь подойти близко, а сам его перед всеми съел» (Mart. Pionii, 18, 5). Если бы такое бесчинство произошло перед алтарем, посвященным императору, это могло привести к печальным последствиям для самих местных магистратов (Пантелеев 2015: 99).

Перед храмом Немезид во время неудавшегося жертвоприношения состоялся диалог устроителя игр Теренция (Τερέντιος ὁ τότε ἐπιτελεῶν τὰ κυνήγια) и мученика Асклепиада: первый пообещал христианину, что добьется, чтобы того отдали для гладиаторских игр, которые устраивает его сын, на что тот ответил, что его этим не запугать (Mart. Pionii, 18, 8–9). Конечно, Теренций мог оказаться там в тот момент случайно или из любопытства, но более вероятно, что он или искал преступников, которых можно было бы использовать во время *munera* (Пантелеев 2014: 78–83), или пришел сам поклониться богине – культ Немезиды был тесно связан с играми, особенно в период империи. У нас есть свидетельства обращений к богине с просьбами об успешности игр, происходящие из разных городов (Hornum 1993: 75). Ученые предложили несколько вариантов объяснения связи Немезиды с играми. А. фон Премерштейн, впервые серьезно исследовавший этот вопрос, указал на сближение образов Немезиды и Тихе/Фортуны и важность удачи при состязаниях (von Premerstein 1894: 402), Г. Волькман предположил, что здесь была важен образ Немезиды-судьи, решавшей, кто победит, а кто проиграет (Volkman 1928: 320–321), а позже группа историков развила эту идею, акцентируя внимание на особой уместности Немезиды при состязаниях, так как падение гордых и самонадеянных будут очевидными проявлениями ее силы (Thompson, Sunter, Weaver 1975: 169; Coulton, Milner, Reyes 1988: 130). М. Хорнум, в свою очередь, предло-

жил свою версию. Он обратил внимание на то, что подавляющее большинство свидетельств указывает на связь этой богини в первую очередь с римскими играми на арене, где умирали военнопленные, преступники и рабы. Ее изображения в амфитеатрах и подобных сооружениях связаны, как он полагает, с поддержанием существующего государственного порядка (Hornum 1993: 89–90). А. Татаки указывает, что в случае культа в Смирне мы можем видеть случай трансформации местного культа под римским влиянием, ведь изначально она не имела никакого отношения к гладиаторским играм (Tataki 2009: 646–647).

Таким образом, вокруг храма Немезид в 250 г. оказались переплетены и связаны воедино мероприятия Деция, вызванное ими преследование христиан, императорский культ, наконец, история и местная специфика Смирны, хорошо знакомая и понятная Пионию, ведь недаром он начал свою речь со слов «Мужи, гордящиеся тем, что они украшение Смирны, живущие на Мелете, прославленные Гомером» (Mart. Pionii, 3, 2).

2. «Что, воздуху поклоняешься?»

Во время допроса Пиония проконсулом провинции Юлием Прокулом Квинтиллианом между мучеником и судьей состоялся следующий диалог: «Проконсул сказал: “Принеси жертву”. Он ответил: “Нет, ведь мне надлежит молиться Богу”. Тот же говорит: “Мы почитаем всех богов, и небо, и богов на небе. Что, воздуху (ἀέρι) поклоняешься? Принеси жертву ему”. Был ответ: “Я поклоняюсь не воздуху, но Создавшему воздух, и небо, и все, что в нем”» (Mart. Pionii, 19, 9–11). Интересно указание проконсула на воздух как объект поклонения. Э. Хилхорст в качестве параллелей указывает на пассаж из «Облаков» Аристофана (ὃ δέσποτ' ἀναξ, ἀμέτρητ' Ἄηρ. – Arist. Nub., 264) и фрагмент Филемона (Ἄηρ, ὃν ἄν τις ὀνομάσειε καὶ Δία. – Philemon. Fr. 91, 4 Kock) (Bastiansen 1987: 474). К этому можно добавить суждение из «Греческого богословия» Корнута о том, что воздух – это Гера (Corn. Theol. gr., 3). Однако, отсылка к Аристофану или Корнуту в словах римского магистрата, даже в проникнутой эллинской ученостью Смирне, выглядит несколько неожиданно. Л. Робер предположил, что в это время Пионий смотрел в небо в безмолвной молитве, и проконсул решил, что сможет убедить его совершить жертву воздуху (Robert 1994:

110). Иногда с воздухом отождествлялся Зевс (Orig. C. Cels., V, 41; TAM V, 616).

Недавно Дж. Ринальди сопоставил эту фразу с оракулом Аполлона Кларосского, найденном в Энноанде и датирующемся втор. пол. II в. (Rinaldi 2009: 128). На вопрос о том, что такое бог, оракул ответил, что он рожден самим собой, непостижимый, без матери, непоколебимый, невыразимый именем, но известный под многими именами. К этому оракул добавляет, что бог есть эфир, «который видит все», которому нужно молиться на рассвете, созерцая его и глядя на восход солнца (SEG 27(1977), 199). Этот оракул известен и по литературным источникам: он цитируется в так называемой Тюбингенской теософии (13, 105–108) и в «О божественных установлениях» Лактанция (Lact. Div. inst., I, 7, 1). По мнению Ринальди, Квинтиллиан был восприимчив к божественной мудрости «теологических оракулов» такого рода, она привела его к языческому генотеизму, и он решил предложить Пионию совершить жертву единому божеству, но так, как понимал его образованный политеист.

Со своей стороны, мы можем указать еще и на Гермеса Аерия, на короткое время получившего популярность при Марке Аврелии (Ἡρμῆν τὸν Ἀέριον. – Dio Cass., LXXII, 8); его изображение появляется и на римских монетах того времени (Israelowich 2008: 86–87). Ему приписывалось чудесное спасение римского войска во время войны с квадами, когда внезапная буря помогла окруженному римскому войску разбить превосходящие силы варваров. Этот Гермес Аерий отождествлялся с египетским Тотом – богом наук, иероглифов и магии. Так или иначе, предложение жертвы воздуху или эфиру в то время не было какой-то эксцентричной идеей, а опиралось на солидную традицию, хотя и находящуюся в стороне от обычных форм проявления религиозности.

3. «При помощи некромантии вызывали Христа с крестом...»

Во время тюремного заключения Пионий произносит большую речь, обращенную к пришедшим к нему христианам; вполне вероятно, что ее текст восходит к подлинному сочинению мученика, о котором говорится в самом начале «Мученичества»: «Для нашего наставления оставил это писание (σύγγραμμα)» (Mart. Pionii, 1) (Пантелеев 2014а: 762–770). В

ней Пионий полемизирует с иудеями, к которым могли перебежать некоторые отступники, и в ходе этой полемики он говорит: «Они (иудеи. – А. П.) говорят, что при помощи некромантии вызывали Христа с крестом» (λέγουσι δὲ καὶ νεκρομαντείας πλοηκέναι καὶ ἀνηγειοχέναι τὸν Χριστὸν μετὰ τοῦ σταυροῦ. – Mart. Pionii, 13, 8). Здесь имеется в виду рассказ об Онкеле бар Калонике, сохраненный в Вавилонском Талмуде. Этот Онкел, якобы племянник императора Тита, пожелавший стать прозелитом, использовал некромантию и вызвал трех «великих врагов Израиля» – Тита, Валаама и Иисуса. Он побеседовал с ними и узнал, каким наказаниям они подвергаются на том свете (Baer 1961: 104; Gero 1978: 167). Мы уже однажды рассматривали этот пассаж, с одной стороны, в контексте общих представлений о некромантии в Средиземноморье, а с другой – в истории экзегезы 28 главы 1 Книги Царств, где царь Саул приказывает эндорской волшебнице призвать душу пророка Самуила (Пантелеев 2015а: 234–248). Здесь нам хотелось бы обратиться непосредственно к представлениям об этом виде магических практик в III в.

Прежде всего, сам термин νεκρομαντεία / νεκρομαντεία (более поздняя форма) использовался в греческом для общего обозначения всех практик, связанных с получением пророчеств от мертвых, а I в. до н.э. Лаберий использует его в латинском языке для названия своего мима (*Necyomantia*. – Gell. NA, XVI, 7; XX, 6). Параллельно с этим словом существовали и другие термины – ψυχομαντεία, ψυχαγωγία, σκιομαντεία, но какого-то фиксированного словоупотребления, однозначно отделявшего вызов души умершего от поднятия тела, мы не наблюдаем (Ogden 2001: xxxi–xxxii). В первые века некромантия была достаточно популярным сюжетом в языческой литературе, к ней обращались Плиний Старший (NH, XXX, 14–18), Апулей (Met., II, 28–30 et al.), Лукиан (Philops., 11–13; 30–31; Menipp., 6 sqq.), Гелиодор (Ethiop., VI, 13–15) и многие поэты (Лукан, Силий Италик, Стаций, Валерий Флакк).

Приписывание занятий некромантией иудеям опирается, во-первых, как мы уже сказали, на собственно иудейскую традицию. Хотя все магические практики строго осуждались в Ветхом Завете – «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них» (Лев. 20:27; ср.

Втор. 18:11, Лев. 20:6, 4 Цар. 21:6, 4 Цар. 23:24) – в некоторых пассажах Талмуда встречаются рассказы о некромантии, лишённые какого бы то ни было осуждения, и между делом сообщается немало любопытных подробностей о ней. Так, оказывается, что душу умершего можно вызвать лишь в течение первого года после смерти, а после она отправляется на небеса и больше не возвращается, эндорская колдунья поняла, что перед ней царь, так вызванный призрак смотрел на него не как на обычных людей – сверху вниз, а снизу вверх, а кроме того, тот, кто вызывает душу, видит ее, но не слышит ее голоса; тот, кто нуждается в ней, слышит ее голос, но не видит ее; тот же, кто в нем не нуждается, не слышит и не видит ее (Smelik 1979: 162–163). Во вторых, это находилось в русле античных представлений о некромантии, занятия которой зачастую приписывались не грекам или римлянам, а представителям варварских народов – египтянам, персам, вавилонянам и другим чужеземцам (Ogden 2001: 128–139).

Для слушателей Пиония, христиан, в признании реальности некромантии тоже не было ничего невозможного. К середине III в. о ней уже высказывались Юстин Философ (Dial., 105), Тертуллиан (De anim., 57), Ориген (Hom. in Reg. II); в *Recognitiones* рассказывается, как Климент Римский в молодости не смог самостоятельно прийти к окончательному решению вопроса о бессмертии души и уже собрался в Египет найти жреца, который вызвал бы ему дух усопшего и тем самым разрешил бы все вопросы, но его отговорил его друг-философ. Ученики Симона Мага обещали вызвать из преисподней даже души иудейских пророков (Tert. De anim., 57, 7). Смирнские христиане здесь не видели ничего необычного или невероятного, как и сам Пионий: он объявляет ложью рассказ о призывании Иисуса, но далее полемизирует не с самой возможностью вызова духов, а с ее неправильной интерпретацией. Для Пиония и душа Самуила, представшая перед Саулом, и другие души, вызываемые некромантами, – это всего лишь адские демоны (δαίμονες τάρταραῖοι. – Mart. Pionii, 14, 10); такой же позиции позже придерживались Евстафий Антиохийский, Григорий Нисский, Евагрий, Иероним. Здесь можно увидеть характерную черту христианской полемики с язычниками и иудеями, когда чудеса противной стороны не ставились под сомнение, но подвергались уничижительной интерпретации.

Литература

- Ascough, R. S. 2005: Greco-Roman Religions in Sardis and Smyrna. In: *Religious Rivalries and the Struggle for Success in Sardis and Smyrna*. Waterloo, 40–52.
- Baer, Y. 1961: Israel, the Christian Church and the Roman Empire from the time of Septimius Severus to the Edict of Toleration of AD 313. *Scripta Hierosolymitana* 7, 79–147.
- Bastiansen, A. A. R. 1987: *Atti e passioni dei martiri*. Vicenza.
- Birley, A. R. 1981: An Altar from Bremenium. *Zeitschrift für Papyrus und Epigraphik* 43, 20–22.
- Cadoux, C. J. 1938: *Ancient Smyrna: A history of the city from the earliest times to 324 A. D.* Oxford.
- Coulton J. J.; Milner N. P.; Reyes A. T. 1988: Balboura Survey: Onesimos and Meleager, Part I. *Anatolian Studies* 38, 121–145.
- Fishwick, D. 1978: Augustus Deus and Deus Augustus. In: *Hommages à M. J. Vermaseren*, edited by M. B. De Boer, T. A. Edridge. Vol. 1. Leiden, 375–380.
- Gero, S. 1978: Jewish Polemic in the Martyrium Pionii and a ‘Jesus’-Passage from the Talmud. *Journal of Jewish Studies* 29, 164–168.
- Hornum, M. B. 1993: *Nemesis, the Roman State, and the Games*. Leiden.
- Israelowich, I. 2008: The Rain Miracle of Marcus Aurelius: (Re-)Construction of Consensus. *Greece and Rome* 55, 83–102.
- Mendel, G. 1914: *Musées impériaux ottomans: Catalogue des sculptures grecques, romaines et byzantines*. Istanbul.
- Ogden, D. 2001: *Greek and Roman Necromancy*. Princeton; Oxford.
- Pantelev, A. D. 2014: [Christian Martyrdom in the Context of the Roman Spectacles], In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture] 3, 75–89.
- Пантелеев, А. Д. 2014: Христианское мученичество в контексте римских зрелищ. *Проблемы истории, филологии, культуры* 3, 75–89.
- Pantelev, A. D. 2014a: Speeches in “Martyrium Pionii”: authenticity or fiction? *Indoeuropeiskoe vazvkoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 18, 762–770.
- Пантелеев, А. Д. 2014a: Речи в «Мученичестве Пиония»: реальность или фикция? *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 18, 762–770.
- Pantelev, A. D. 2015: [Christian Persecutions and Imperial Cult according the Early Hagiographical Tradition]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture] 3, 91–104.
- Пантелеев, А. Д. 2015: Гонения на христиан и императорский культ по данным агиографической традиции. *Проблемы истории, филологии, культуры* 3, 91–104.
- Pantelev, A. D. 2015a: [Christian-Jewish Polemics in the 2nd–3d centuries and Necromancy (Mart. Pionii 13–14)]. *Religiya, Tserkov', Obschestvo* [Religion, Church, Society] 4, 234–248.
- Пантелеев, А. Д. 2015a: Христианско-иудейская полемика II–III вв. и некромантия (Mart. Pionii 13–14). *Религия. Церковь. Общество* 4, 234–248.

- Rinaldi, G. 2009: "Rectores aliqui". Note prosopografiche per lo studio dei rapporti tra impero romano e comunità cristiana. *Annali di Storia dell'Esegesi*, 26.1, 99–164.
- Ramsay, W. M. 1994: *The letters to the seven churches: Updated edition*. Ed. M. W. Wilson. Peabody.
- Robert, L. 1994: *Le Martyre de Pionios, prêtre de Smyrne*. Mis au point et complété par G. W. Bowersock et C. P. Jones. Washington.
- Saavedra Monroy, M. 2015: *The Church of Smyrna: History and Theology of a Primitive Christian Community*. Frankfurt am Main.
- Schweitzer, B. 1931: Dea Nemesis Regina. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts* 46, 175–246.
- Selinger, R. 2002: *The Mid-Third Century Persecutions of Decius and Valerian*. Frankfurt am Main.
- Tataki, A. B. 2009: Nemesis, Nemeseis, and the Gladiatorial Games at Smyrna. *Mnemosyne* 62, 639–648.
- Thompson, F. H.; Sunter, N. J.; Weaver, O. J. 1975: The Excavation of the Roman Amphitheater at Chester *Archaeologia* 105, 127–240.
- Volkmaun, H. 1928. Studien zum Nemesiskult. *Archiv für Religionswissenschaft* 26, 296–321.
- Von Premerstein, A. 1894: Nemesis und ihre Bedeunmg für die Agone. *Philologus* 52, 400–415.

A. D. Panteleev. *Martyrium Pionii* and the religious life of Smyrna in the 3d century

The article deals with the data on the religious life of Smyrna in the Roman times, which is presented in the *Martyrium Pionii* (250). Three subjects are considered with special attention: 1) the cult of two Nemeseis, at the temple of which there was an altar where Christians were forced to sacrifice; 2) the proposition of the proconsul to the martyr to sacrifice to the Air; 3) Pionius' reference to the story about necromancy of Jews. The temple of Nemeseis was one of the most important temples in Smyrna, perhaps it was associated with the cult of the emperor. In addition, Nemesis was associated with competitions, including games in the amphitheater, during which Christians were executed. This combination explains the choice of this temple for the sacrifice. Proconsul Quintillian's proposition to Pionius to sacrifice air was not an eccentric idea or a cruel joke, but it was based on a solid tradition, though it was on the side of normative religiosity. Finally, Pionius's appeal to the story of the necromancy session was in the mainstream of early Christian polemics against Jews and Gentiles, when the wonders of the opposite side were not questioned, but were subjected to pejorative interpretations. An analysis of these three plots shows a good acquaintance of the author of the *Martyrium Pionii* with the religious situation in Smyrna, which may indicate an early time of the compilation of this text.

Keywords: Early Christianity, Hagiography, *Martyrium Pionii*, persecutions, martyrdom, Smyrna.